

4. Исторические песни второй половины XVII в.

Историческая песня вспомнила из крупных событий царствования Алексея Михайловича лишь эпизоды двух войн — с Польшей (1654) и с Швецией (1656). Песня рассказала о том, как царь на «лобном месте» «думу думает» с «князьями-боярами»: «что наступает король литовский, наступает-то на город на Смоленец», или по другому варианту: «Мне ка пишет нынь король земли шведской: он просит у нас города Смоленца, а дает ли нам Хинскую землю». Бояре советуют отказаться от «Смоленца», потому что он «строенье не московско... строеньеце литовско». И только один Милославский отвечает, что «Смоленец строеньеце московско... Надо нам постоять за Смоленец». В этой песне есть воспоминание о земском соборе, который в 1653 г. решал вопрос о том, начинать ли войну с Польшей за

украинско-белорусские земли; о сдаче Смоленска в 1654 г. после переговоров, в которых принимали участие Иван Богданович и Семен Юрьевич Милославские (песня заменила их Иваном Ивановичем или Данилой, вероятно по связи с временщиком Иваном Даниловичем Милославским, получившим печальную известность); о том, что в Москве было две партии — одна стояла за войну с Польшей, другая настаивала на борьбе с Швецией за Балтийское побережье. Как и московское правительство, песня доказывает право русских на Смоленск тем, что это «строеньице московско», а не «литовско».

Другая песня отозвалась на эпизод из войны с Швецией 1656 г., когда русские вынуждены были снять осаду Риги. Войско было утомлено затянувшимся походом, остро ощущало к осени недостаток кормов. Царь уехал из армии и войско отступило. «Солдаты новобраные» просят в песне уезжающего царя:

Не оставь ты нас бедных под Ригою;
Уж и так нам де Рига наскучила,
Она скучила нам Рига, напрокучила:
Много холоду, голоду принели,
Паготы, босоты вдвое того.

Среди народно-песенных откликов на исторические события последней трети XVII в. центральное место занимает цикл песен о восстании Степана Разина. Сложенные в своей массе разинцами, т. е. его войском, состоявшим из «голутвенных» казаков и крестьянской бедноты, эти песни выделяются среди исторических песен XVI—XVII вв. своей особой близостью к лирическим и эпическим разбойничьим и казацким песням и дальше отстоят от былинной традиции, так отчетливо сказавшейся в исторических песнях предшествующего времени. Тематика разинских песен делала их гораздо более близкими к песням о «добрых молодцах» «разбойничках», «атамановых работничках», о тех беглых «гулящих людях», которые, как и разинцы, находились в постоянной вражде с правительством.

Письменная литература глухо отозвалась на кратковременную, но энергичную вспышку крестьянско-казацкой войны 1669—1671 гг. под предводительством Степана Разина. Казнь атамана и последовавшее за ней церковное проклятие Разина пресекли возможность распространения через книгу всяких рассказов, не разделявших официальную точку зрения на Разина, как на «вора-изменника». В итоге сохранились лишь бесцветные, в старой летописной манере составленные сказания о взятии войсками Разина Астрахани, о нападении разинцев на монастырь Макария Желтоводского, да компиляция из этих сказаний (стр. 270). Вслед за официальными документами — царскими грамотами воеводам, руководившим борьбой с Разинным, донесениями этих воевод с мест и обвинительным актом, который был прочитан Разину перед казнью, — исторические сказания повторили, что все народное восстание было «воровством», участники его «воровской» шайкой, а атаман — «вором-изменником», который пошел против государства и церкви. Литература, как и документы, замалчивала причины, толкавшие крестьян, холопов, стрельцов и угнетенные народности Поволжья в ряды войск Разина. Отношение восставших к своему атаману и к дворянскому правительству в литературе отражено крайне односторонне.

Иначе реагировала народная память на смелую попытку силой бороться с растущим гнетом феодально-крепостнического государства. Однако бытовая и правительственная цензура и в народных откликах на восстание

сгладила «яркие черты социального пафоса, пережитых некогда и закрепленных в поэтическом слове повстанческих настроений».¹

В многочисленных сохранившихся вариантах песен о Разине изредка лишь мелькают отголоски этих настроений — в более или менее откровенных нападках на царских воевод. Например, в записи 1878 г. участники восстания — «голые, бедные» — противопоставлены «боярам»:

Степан батюшка ходит бережком,
Зовет детушек голых, бедных:
Вы слетайтесь ко мне, собирайтесь скорей,
Кто в нужде и в труде. Слеза горькая,
Слеза горькая глаза выела,
С вами горюшка я поразмыкаю,
По Руси пройду, бояр вытопчу.²

Сохранилось лишь в большей части вариантов задушевно теплое воспоминание об «удалом казаке», «атаманушке, батюшке», «Степане Тимофеевиче», «Степанушке, Стеньюшке», при известии о гибели которого «все майданики запустили, все несчастные приуныли», «помутился славный тихий Дон», «помешался весь казачий круг». В ласковых эпитетах, какими Разин наделяет своих друзей, отразилась и память о нем, как о защитнике угнетенных, которых он называет «голь моя несчастная, судари мои, братцы, голытьбушка», обещая им казны «сколько надобно».

Но и в таком, смягченном времени, виде песни о Разине были еще долго нетерпимы для правительственной цензуры. Когда Пушкин, называвший Разина «единственным поэтическим лицом русской истории» (письмо брату Льву, октябрь 1824 г.), хлопотал о разрешении напечатать записанные им песни о Разине, Бенкендорф ответил ему: «Песни о Стеньке Разине, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева».³ Но не только правительственная цензура в течение всего XIX века «редактировала» песни о Разине (В. Миллер заметил, например, цензурную правку в официальном издании казацких песен, в том числе и песен о Разине). Не всегда и сами исполнители этих песен сочувствовали их герою. Так, среди домовитых, зажиточных казаков, которые и в свое время шли против Разина, сохранилось осудительное отношение к нему. В записанных от них вариантах Разин именуется «шельмой», «плутом», который собирает «шельм-разбойничков»; его ждет та же награда, какую в разбойничьих песнях царь обещает разбойнику-молодцу:

Припожалую я тебя, шельма-разбойничек,
Что ни лучшими хоромами высокими,
Что не теми ли столбами с перекладиной.

Такие исполнители с удовлетворением заключают:

Все те воры-разбойнички да пойманы,
Поймали то плута Стеньку Разина...
Миром проклинали, да вниз прогнали...

Но основная масса песен о Разине сохраняет сочувственное отношение народа к своему героическому атаману. С его именем связываются поэтиче-

¹ Н. К. Пиксанов. Социально-политические судьбы песен о Степане Разине. — «Художественный фольклор», кн. I, 1926, стр. 61.

² Там же.

³ Пушкин. Переписка, под ред. В. И. Сантова, СПб., 1908, т. 2, стр. 39.

ские легенды. Они изображают Разина непобедимым героем, которого не берет ни сабля, ни ружье, ни пушка; чародеем, который заговаривает оружие, чудесно спасается из плена, выплеснув на себя стакан воды или нарисовав на полу тюрьмы углем или мелом лодку, которая переносит его на Волгу, и т. д. В Поволжье рассказывали даже, что Разин спасся от казни, живет на пустынном острове и ждет времени, чтобы снова повести народ на борьбу с притеснителями. Фантастика, украсившая песенный облик любимого народом атамана, не исказила в общем исторического образа Разина: исторические воспоминания рисуют его таким же неустрашимым, наделенным огромной физической силой, щедрым и ласковым к своему войску и ко всей бедноте и беспощадным по отношению к врагам — воеводам, боярам, каким изображают его и песни.

Немало отдельных эпизодов борьбы Разина с правительством запомнили песни и предания. Основная группа песен разинского цикла касается отношений Разина к казачьему кругу, наезда на Астрахань, песен о «сынке» Разина. Отношение к казачьему кругу рисуется двойко. Иногда Разин не ходит туда, а думу думает с голью кабацкою или со своей буйной головушкой, приглашает голь гулять на море, разбивать бусы-корабли. Песня этого типа сложена разинской дружиной, вероятно, после событий: по отношению к атаману тон любовно-спокойный. Другая песня — переработка первой. Разин пришел в круг, приглашает казаков сопровождать его в походах, ехать к царю с повинною, везти богатые подарки. Здесь историческая действительность искажена: Разин никогда не мирился с оседлыми казаками, всегда оставался враждебен Москве. Песня эта — результат перехода в широкие круги казачества, благодаря чему забылся реальный образ вольного атамана.

Песни о наезде на Астрахань — разного происхождения: одни сложились среди разинцев и рассказывают о самом наезде, другие передают песни войска, посланного захватить Разина, подплывающего к Астрахани. Составление их можно отнести к 1667—1670 гг.

Наиболее распространенной является песня о «сынке» Разина. В Астрахани появился незнаемый человек, обращавший на себя общее внимание (великолепием или небрежностью одежды). Молодец держится вызывающе по отношению к власти, не бьет челом воеводе. Схема вариантов в общем одинакова: появление в городе молодца — допрос его губернатором — ответ молодца (завтра батюшка придет, сумей его встретить; хорошо встретишь, он тебе шубу подарит, худо — в тюрьму посадит, а «мало того, так и на виселицу») — заключение молодца в тюрьму — приход Разина на выручку. Иногда прибавляется деталь об исполнении Разиным угрозы «сынка». Имя последнего варьируется. Речь идет, вероятно, о каком-либо из агентов Разина, посланном в Астрахань весной 1670 г., незадолго до взятия города.

Единичные записи, помещенные в сборниках Трутовского, Чулкова, Кирши Данилова, не повторяются позднейшими вариантами: возможно, что они — остатки исчезнувшего старинного репертуара о Разине. Их стиль чище, цельнее, чем в позднейших песнях.

Песня об убийстве астраханского губернатора рассказывает о том, как на Волге «молодчики заволжские» ждут губернаторских судов. «Данило Александрович Репнин» (так в записи Кирши Данилова), чужая опасность, предлагает золотую казну, платье цветное, «все диковинки заморские», но «бурлаки» заявляют: «дорога нам твоя буйная головушка». Песня пред-

ставляет собой поэтический вымысел: губернатора Ивана Борисовича Репнина не убивали. Здесь отражены иные события — или убийство Карамышева (царского посла, который в 1630 г. ехал к казакам с грамотой, приказывавшей им быть готовыми действовать вместе с турками против поляков; недовольные этим распоряжением, казаки, услышав, что Карамышев силой собирается принудить их исполнить приказ Москвы, убили посла, будто бы за то, что он не снял шапки во время чтения царского титула), с песней о котором данная песня имеет большое сходство, или расправа с князем Прозоровским. До Репнина губернатором Астрахани был, между прочим, и Александр Данилович Меншиков; переставленные имя и отчество его сохранил, видимо, вариант Қирши Данилова. Песня отразила недовольство вообще представителями власти в Астрахани.

Персидский поход Разина представлен песнями, находящимися только в сборнике М. Д. Чулкова. Зазимовав в море, Разин предлагает разбить веслами топкий лед, чтобы дойти до «тихих мест», «дуван делить». Возможно, что первая песня этой группы относится к зимовке у Фарбата в 1668—1669 гг. Другая также рассказывает о вмерзших судах: казаки пропались, проигрались и собираются ехать по морю за добычей. Третья песня рассказывает о том, как ратные люди из Астрахани захватили на острове оставленного там разинца. Возможно, что здесь отразились воспоминания о гибели «Сережки Кривого», одного из лучших спутников Разина, который, однако, был убит в бою при иных обстоятельствах.

Казацкая хоровая песня о взятии Яика-города вполне исторична, только Яик в ней заменен городом «Гурьевым», куда приплывает Разин, объявляя воеводе:

Я приехал к вам не пить, не гулять,
 Не батальице с вами заводить,
 А святым храмам поклониться,
 Поклониться и молебен отслужить.

Ворота отворились, и город был захвачен. Разинцы, действительно, в 1667 г. на 30 стругах достигли Яика. Разин, спрятав товарищей в незаметном месте, пошел в город и уверил воеводу, что хотел бы поклониться святыням. О том, что казаки были впущены в город без всякого сопротивления, что для них открыли ворота, доносил правительству астраханский воевода Хилков (песня записана один раз в 1902 г.).

Единственная запись песни о смерти Разина помещена в сборнике Чулкова. Она начинается запевом: «Не сокол летал по поднебесью», за которым идет рассказ есаула: «Не здорово на Дону у нас», нет больше атамана Степана Тимофеевича, поймали, повезли его в Москву «и на славной Красной площади отрубили буйну голову». Согласно с исторической действительностью, песня сложена, вероятно, вскоре после казни Разина.

Песни о Разине иногда соединяются с песнями о Ермаке. Ермак выступает в них атаманом, Разин есаулом, но Ермак кончает изъявлением покорности властям, а Разин остается непримиримым их врагом.

Из других исторических событий 1670-х—1680-х годов историческая песня откликнулась на смерть царя Алексея (1676) и на неудачный крымский поход В. Голицына (1686).